

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

И.Е. Евсеев

Высшая духовная школа и духовное творчество

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1912. № 5. С. 589-600.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Высшая духовная школа и духовное творчество ¹⁾).

НА знамени нашего Общества крупными буквами написано дорогое для всѣхъ насъ имя нашей *almae matris*—Духовной Академіи. Въ сегодняшний годовоіи день нашего Общества и въ память недавней 103-лѣтней годовщины Академіи, я думаю, будетъ благовременно остановиться на одной сторонѣ жизни Академіи, далеко не маловажной въ ея исторіи, именно на вліяніи ея на наше русское духовное творчество. Разумѣю не область поэзіи, а тотъ широкій кругъ дѣятельности, который стоитъ въ связи съ созданиемъ и увеличеніемъ въ нашемъ обществѣ духовныхъ цѣнностей. Какимъ бы языкомъ мы ни говорили, но значеніе высшаго спеціального образованія едва ли можетъ быть опредѣлено иначе, какъ увеличеніе и выработка соответствующихъ цѣнностей. Сюда мы относимъ, въ примѣненіи къ высшему духовному образованію, и научно-озерцательное обоснованіе и жизненное укрѣпленіе въ нашемъ русскомъ обществѣ христіанскихъ устоевъ — выработку и высшее проявленіе духовно-созидательной дѣятельности. Поскольку Академія—въ своей собственной жизни и въ лицѣ ея питомцевъ, проявляетъ созидательную силу въ области духовнаго просвѣщенія въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова?

Я исключаю изъ разсмотрѣнія общекультурное значеніе Академіи, дѣятельность ея питомцевъ на разныхъ поприщахъ культурной жизни, внѣ круга духовнаго просвѣщенія, такъ какъ эта весьма важная и цѣнная сторона академи-

¹⁾ Рѣчь, произнесенная съ нѣкоторыми подробностями въ годовомъ собраніи Общества взаимопомощи бывшихъ питомцевъ Спб. Духовной Академіи, въ залѣ Училищнаго Совѣта, 22 февраля 1912 г.

ческой жизни — участие ея питомцевъ въ общекультурной жизни нашего общества стоять не въ сердцевинѣ, а на окружающихъ линіяхъ задачъ Академіи, совпадаетъ съ общепросвѣтительными задачами свѣтской школы, не представляетъ рѣшительныхъ признаковъ, присущихъ исключительно питомцамъ духовнаго образованія, и требуетъ особаго, самостоятельнаго разсмотрѣнія. Вношу еще ограниченіе: дѣятельность высшаго духовнаго порядка, творческая духовная дѣятельность, должна непремѣнно проявлять себя въ сознательности тѣхъ или другихъ цѣлей, въ сознательномъ стремленіи къ достиженію этихъ цѣлей. Разъ дѣятельность питомца высшей духовной школы носить автоматическій, произвольный характеръ, проявляется лишь въ обычной передачѣ или обычномъ пользованіи совнѣ, по преемству полученными благами, то въ такомъ случаѣ мы не видимъ признака какой-нибудь высшей цѣнности. Такая дѣятельность имѣетъ значеніе не болѣе, чѣмъ теченіе Невы изъ Ладожскаго озера въ Финскій заливъ.

Итакъ, поскольку развитіе высшаго духовнаго просвѣщенія въ русскомъ обществѣ зависитъ отъ дѣятельности питомцевъ нашей высшей духовной школы и каковыя условія развитія и обнаруженія этой высшей просвѣтительной дѣятельности? Для рѣшенія этихъ вопросовъ я не располагаю какимъ-либо стороннимъ литературнымъ матеріаломъ, опираюсь лишь на свои собственные обычные наблюденія и нѣкоторый опытъ, и дѣлаю попытку скорѣе намѣтить, чѣмъ дать рѣшеніе поставленныхъ вопросовъ. Мои выводы претендуютъ не болѣе, чѣмъ на значеніе частнаго мнѣнія одного изъ бывшихъ питомцевъ нашей Академіи.

Въ общемъ, за указаннымъ исключеніемъ, весь кругъ высшей духовной творческой дѣятельности намъ представляется возможнымъ свести къ двумъ ея существеннымъ проявленіямъ: духовной наукѣ и пастырству. Въ одной точкѣ скопляются духовныя цѣнности, въ другой примѣняются къ жизни; въ одной — теченіе силы центростремительное, въ другой — центробѣжное. Если не вполнѣ, то все таки, кажется такое дѣленіе въ достаточной степени охватываетъ кругъ выработки и примѣненія высшихъ духовныхъ цѣнностей.

Творчество въ пастырствѣ!.. Я преклоняюсь предъ великой, мистической силой охраненія душъ въ руслѣ вѣковѣчныхъ, таинственныхъ вѣрованій св. Церкви, законовъ христі-

анской этики, добрыхъ навыковъ и житейскихъ устоевъ. Я благоговѣю предъ той священной атмосферой, которая поддерживается пастырствомъ во всей его совокупности и дѣйствуетъ на мѣръ какъ великая церковная сила. Значительную долю участія въ этой великой дѣятельности я безспорно признаю за питомцами нашей духовной школы. Но высшей духовной цѣнности въ намѣченномъ нами смыслѣ я здѣсь не вижу. Чего-либо характернаго для духовнаго творчества, свойственнаго только питомцамъ нашей высшей школы, здѣсь нѣтъ. Это область добросовѣстнаго примѣненія готовой, выработанной и испытанной уже вѣками, воспринятой извнѣ цѣнности — область духовной статики, а не динамики. Духовное творчество въ пастырствѣ, признакъ высшаго носителя духа, должно выдѣлять себя особыми отличительными чертами отъ обычнаго, рядоваго исполненія долга служителя Христова!

Мы счастливы тѣмъ, что въ нашихъ рядахъ, въ рядахъ бывшихъ питомцевъ нашей *almae matris*, мы можемъ указать высшихъ носителей пастырскаго духа, съ печатью особаго избранничества. Я думаю, вы догадываетесь, что я разумѣю прежде всего достойнѣйшихъ, блаженно почившихъ нашихъ старшихъ современниковъ — о. Іоанна Кронштадтскаго и архіепископа японскаго Николая. Ихъ преданность своему пастырскому долгу, ихъ проникновенность своимъ высокимъ призваніемъ отмѣчены были на глазахъ всего міра особымъ возвышеннымъ подъемомъ духа народныхъ массъ, съ которыми они соприкасались. Здѣсь мы наблюдаемъ и исключительную силу духа, и новыя формы его воздѣйствія на окружающихъ и новыя завоеванія христіанской проповѣди. Эти герои духа, эти пастыри — несомнѣнно творцы и распредѣлители духовныхъ цѣнностей, свѣточи современнаго намъ православно-христіанскаго просвѣщенія. Наша Академія вправѣ гордиться этими блестящими именами, какъ и цѣлымъ рядомъ другихъ почтенныхъ служителей алтаря, вопреки всѣмъ нападкамъ и пристрастнымъ нареканіямъ на дѣятельность Академіи и вышедшихъ изъ нея пастырей. На самыхъ разнообразныхъ мѣстахъ мы видимъ цѣлую армию проникновенныхъ служителей духа, бодрыхъ часовыхъ, готовыхъ всегда стать на защиту христіанскаго знамени.

Но будемъ справедливы. На ряду съ этими высокими образцами пастырства и самой искренней преданности установившемуся руслу христіанскаго просвѣщенія, вѣчно кипучая жизнь ставитъ новые запросы продолжателямъ подвига

учениковъ Христовыхъ. И отвѣты на эти запросы нужно выковывать въ условіяхъ другого порядка, чѣмъ тотъ, какой могли предвидѣть даже лучшіе дѣятели прежняго времени. Укажемъ изъ многого на одну существенную, современную неразрѣшимую задачу для пастырства, а вмѣстѣ и для всего духовнаго просвѣщенія. На нашихъ глазахъ вырастаетъ у насъ новая сила, не только враждебная христіанству, но готовая стать на мѣсто христіанства, какъ новая всеобщая религія. Церковь въ своей многовѣковой исторіи знаетъ множество враговъ, множество побѣдъ и столкновеній, но въ ея жизненномъ опытѣ не было еще столь опаснаго врага, сильнаго своей подкупающей видимой правдой, своей соблазнительной близостью къ нравственному исповѣданію Церкви—къ всеобщему братству, равенству, къ братскому общенію богатыхъ и бѣдныхъ не только въ высшихъ порывахъ духа, но и въ условіяхъ наличной жизненной обстановки. Грозный призракъ социализма, смутные раскаты надвигающейся міровой революціи уже давно вызываютъ разнообразныя судорожныя—покамѣсть, безуспѣшныя—усилія со стороны западныхъ христіанскихъ проповѣдниковъ. Что можетъ выдвинуть противъ этого врага наше академическое пастырство? Къ сожалѣнію, по нашему глубокому убѣжденію, оно, покамѣсть, совершенно не имѣетъ соотвѣтствующаго оружія. Выступленіе нашего пастырства въ 1905-6 гг., во время первой пробной атаки новаго грознаго врага, было до такой степени дѣтски безпомощно и несоотвѣтственно съ жизненнымъ запросомъ, что приходится пожалѣть объ этомъ выступленіи и глубоко призадуматься о его органическомъ безсиліи. Наше пастырство извлекло для борьбы заржавѣвшее и довольно притупленное оружіе, и, понятно, идейнаго успѣха не имѣло.

По отзыву военныхъ писателей, есть народы, способные проявлять удивительныя чудеса храбрости при одномъ непремѣнномъ условіи: за стѣнами, или за окопами укрѣпленій. Если этого условія нѣтъ, если борьба открывается на чистомъ полѣ, то такого рода военный противникъ теряется, уступаетъ и, какъ военная сила, становится ничтожнымъ. Такого рода военную психологію специалисты указываютъ у нашихъ давнихъ противниковъ—турокъ. Приблизительно такую же рисуется намъ и боевая отважность и сила нашего пастырства въ рѣшительную минуту его недавней борьбы. Оно не вышло на открытый бой въ чистое поле: оно предпочло остаться за

неразрушенными еще стѣнами вѣковыхъ укрѣпленій. Только отдѣльные отважные бойцы за свой личный страхъ рѣшались показываться на передовыхъ выступахъ крѣпости. И не удивительно, что и нравственная и жизненная побѣда осталась не за представителями турецкой военной сноровки!

На высотахъ духа, въ высшихъ запросахъ пастырскаго званія, къ моему прискорбію, я не усматриваю той творческой силы, постояннаго подвижническаго напряженія, мудрой попечительности и мужества, какія по существу дѣла властно требуются отъ глубоко отвѣтственнаго предъ своимъ долгомъ пастыря—питомца высшей духовной школы. Въ этомъ отношеніи наше пастырство не выдерживаетъ испытанія. Способное быть стойкимъ носителемъ Христовыхъ истинъ въ области такъ сказать христіанства созерцательнаго, наше пастырство совершенно слабо въ области христіанства дѣятельнаго. Самая цѣнная съ точки личнаго духовнаго творчества, жизненная часть пастырскаго званія—церковная проповѣдь у насъ далека отъ какой-нибудь опредѣленной значащей постановки, почти не слышна въ дѣлѣ христіанскаго просвѣщенія общества и рѣшительно не стоитъ въ ряду замѣтныхъ составныхъ частей духовнаго воспитанія народа. Ея рѣдкіе призывы направляются только къ той части народа, которая по силѣ привычки не выходитъ за предѣлы осажденной крѣпости: это въ лучшемъ случаѣ голось ободренія своихъ, а не властный призывъ чужихъ или ослабѣвшихъ и отошедшихъ въ сторону вчерашнихъ духовныхъ дѣтей. Что особенно опасно—наша проповѣдь совершенно не знаетъ того языка, на которомъ слѣдовало-бы обратиться къ болѣе и болѣе со дня на день увеличивающейся арміи приверженцевъ новой религіи.

Сложное движеніе современнаго просвѣщенія, современной культуры выдвигаетъ въ общество новые законы жизни, чуждые призывамъ христіанской любви и спасенія, и наша проповѣдь совершенно бессильна выставить противъ нихъ несомнѣнное преимущество своихъ вѣковѣчныхъ упованій. Считаю характернымъ для нашего времени отношеніе одного изъ не безъызвѣстныхъ нынѣшнихъ церковныхъ дѣятелей къ глашатаямъ современной культуры, къ цѣлому ряду свѣтскихъ писателей: этотъ ревностный пастырь предложилъ примѣнить къ нимъ ни болѣе, ни менѣе, какъ мѣру рѣшительнаго отсѣченія, церковной анаемы. Нѣтъ ли въ этомъ заявленіи о ненужности и бесполезности прямыхъ мѣръ христіанской пропо-

вѣди, въ этомъ укрывательствѣ за крѣпкими стѣнами церковной дисциплины, вмѣсто добраго призыва или прямой и открытой борьбы, выраженія отчаянія, горькаго признанія своего безсилія?

Древняя Церковь, въ ряду своего богатаго наслѣдства нашему времени, наравнѣ съ проповѣдью, оставила намъ властно чарующія проявленія своего мощнаго творчества въ видѣ неподражаемой церковной поэзіи. Она перевоплощала свои возвышенныя идеи въ ряды одухотворенныхъ изящныхъ образовъ, окутывала ими всю современную жизнь и неудержимо влекла ее по своему пути. Мы, отдаленные наслѣдники этихъ цѣльныхъ переживаній, до сихъ поръ съ благоговѣніемъ упиваемся неподдѣльнымъ ароматомъ благочестиваго чувства этой эпохи въ величественныхъ и задушевныхъ церковныхъ пѣснопѣніяхъ, услаждаемся красотой и возвышенностью нравственной идеологіи тогдашнихъ вѣрованій и жизненныхъ упованій въ незамѣнимомъ и недосягаемомъ изложеніи житій святыхъ. Намъ до осязательности понятно, какъ эта художественно-творческая атмосфера могуче приковывала вѣрующихъ къ возвышеннымъ идеаламъ христіанства, какъ она окружала каждый ихъ шагъ своимъ увлекательнымъ вѣяніемъ жизни, размеромъ стиха, мелодіей напѣва.

По условіямъ нашей народности и нашего времени, подражаніе такимъ видамъ творчества для насъ, можетъ быть, было-бы неудобно: каждая эпоха вырабатываетъ свой излобленный видъ поэтическаго стиля, свою манеру воздѣйствія на чувство. Предъ нашими поколѣніями, предъ нашимъ папствомъ открывается благородная задача воспроизвести по своему полезный и поучительный примѣръ отдаленныхъ предковъ по вѣрѣ. Наша современная поэзія, современная литература уясняетъ, идеализуетъ и приближаетъ къ общенародному сознанію взгляды и ученія культурнаго, гуманнаго, а иногда даже и противогуманнаго свойства. И общество неотразимо чувствуетъ на себѣ силу воздѣйствія этой современной міровой проповѣди. Почему, наравнѣ и въ противовѣсѣ вліянію этой гуманной, мірской проповѣди наше академическое папство не прибѣгаетъ къ столь же могучему проведенію своихъ высокихъ христіанскихъ идей въ той же поэзіи, литературѣ? Почему, вмѣсто принижавшей человѣческой духъ мелодіи страстей и обычныхъ человѣческихъ переживаній, къ нашему сознанію не приближаются напѣвы неземной кра-

соты и образы высшего идейного порядка? То, что даетъ, въ противовѣсъ этому стремительному идейному натиску свѣтской литературы, наше, такъ сказать, духовное литературное творчество, съ точки обаятельности и силы,—по полному отсутствію въ немъ вкуса къ поэзіи—не выдерживаетъ никакой критики. Сухое, безжизненное слово духовной литературы не допускаетъ мысли о какомъ-нибудь сравненіи съ общимъ ходомъ свѣтскаго литературнаго творчества.

Позволю себѣ перейти къ другому, специально средоточію духовнаго просвѣщенія—духовной наукѣ. Въ какой степени поддерживается здѣсь живительный огонь духовнаго творчества?

Духовная наука сосредоточена у насъ въ духовной Академіи; внѣ Академіи ея почти нѣтъ, а то, что есть, стоитъ въ непосредственной связи съ Академіей. Наша рѣчь неизбежно обращается къ Академіи.

Если мы возьмемъ состояніе русской духовной мысли за 100 лѣтъ до нашего времени или даже за 40 лѣтъ, то мы убѣдимся въ громадномъ движеніи впередъ нашего духовнаго просвѣщенія. Собственно начало науки въ строго академическомъ, а не учебномъ значеніи можно возводить въ нашихъ академіяхъ только къ 60-мъ годамъ прошлаго столѣтія, т. е. къ годамъ обученія нашихъ старѣйшихъ сотоварищей. И вотъ въ эти послѣдніе сорокъ лѣтъ наша духовная наука обогатилась неисчислимыми приобрѣтеніями. Она не только во многомъ усвоила многолѣтній научный опытъ запада, но въ нѣкоторыхъ отрасляхъ пытается ступить уже въ ногу съ западной наукой. Самое цѣнное научное приобрѣтеніе новыхъ вѣковъ—научный методъ усвоенъ нашей наукой. Научныя области, касающіяся предметовъ специально русской жизни, получили въ нашей высшей духовной школѣ совершенно самостоятельную разработку. Правда, для сторонняго глаза дѣятельность Академіи недостаточно примѣтна: она чуждается широкихъ обобщеній и заманчивыхъ систематическихъ построеній. Но это объясняется естественною осторожностью Академіи, при недостаточномъ еще изученіи и обслѣдованіи первоисточниковъ науки. То, что западная наука накопила съ XVI в., со времени изданія первыхъ фоліантовъ, нашей современной наукой должно быть проведено чрезъ призму нашего собственнаго сознанія силами одного-двухъ поколѣній, съ присоединеніемъ еще и того, что обнаруживается и вызы-

вается къ жизни въ наше время усиліями и западной науки и условіями и потребностями нашей жизни. И эта усиленная, жизненно необходимая методическая работа нашихъ академій надъ первоисточниками и частичной обработкой отдѣловъ науки—существенная особенность академической дѣятельности нашего времени—представляетъ единственно доступный въ настоящее время способъ разработки академическихъ дисциплинъ и является залогомъ здороваго развитія нашей науки въ дѣятельности послѣдующихъ поколѣній. Въ этомъ скопленіи научнаго приобрѣтенія—самая цѣнная основа нашего творческаго капитала, самая лучшая надежда на будущее уясненіе, укрѣпленіе и защиту нашего нравственнаго православно-христианскаго упованія.

Какъ безпристрастный судъ, наука надѣется, что въ концѣ концовъ, послѣ полнаго изслѣдованія всѣхъ сторонъ нашего упованія, послѣ внимательнаго допроса всѣхъ возможныхъ свидѣтелей его, она вынесетъ самое точное и вѣрное, доступное человѣку, опредѣленіе и уясненіе всѣхъ сторонъ нашей жизни и мысли. Но она встрѣчаетъ на своемъ пути готовыя уже рѣшенія, данныя высшей интуиціей и предшествующимъ жизненнымъ опытомъ человѣчества. Какъ исполнитель высшихъ нравственныхъ полномочій, данныхъ наукѣ, духовная наука—въ мѣру своихъ силъ и возможностей—вводитъ въ кругъ своего разсмотрѣнія и символы этихъ опредѣлителей человѣческой жизни, тѣмъ болѣе, что они предлагаются каждому поколѣнію на языкѣ и въ формѣ отдаленныхъ, предшествующихъ поколѣній. Для науки создается трагическое положеніе: въ силу своего безпристрастія, она не всегда оправдываетъ своимъ подписомъ принятый въ данное время за руководство въ жизни кругъ понятій, предлагаетъ иногда свое рѣшеніе, уясняющее привычное сужденіе съ другой стороны—и сторонники чистой интуиціи или просто представители обычной житейской практики предъявляютъ къ наукѣ обвиненіе, будто она безразсудно разрушаетъ вѣковѣчныя цѣнности, будто она останавливаетъ бодрый темпъ установившейся жизни. Доходитъ до того, что на мѣсто науки у насъ пытаются поставить выработку пассивной привычки къ излюбленному строю мысли и жизни. Зачеркивается исконная и неотъемлемая принадлежность науки—право мнѣнія и право сомнѣнія,—выдвигается неоспоримая и непреложная сила авторитета, мнѣнія даннаго момента, мнѣнія господствующихъ круговъ. Это

еще разъ останавливаетъ вліяніе науки, какъ движущей силы, на жизнь, на выработку руководящихъ взглядовъ и понятій.

Не буду приводить примѣровъ насильственного замедленія хода научнаго движенія изъ современной намъ академической жизни: примѣры эти у всѣхъ въ памяти, передъ глазами. Напомню нѣсколько историческихъ славныхъ именъ изъ прежнихъ дѣятелей нашей академіи. Вотъ первый магистръ перваго курса нашей академіи, протоіерей Герасимъ Петровичъ Павскій, извѣстный филологъ и гебраистъ, бывший профессоръ нашей академіи и законоучитель Цесаревича Александра Николаевича, обвиняется въ неправомыслі: на урокахъ по классу еврейскаго языка онъ осмѣлился дать переводъ еврейскаго ветхозавѣтнаго текста на русскій языкъ, тогда какъ священному тексту—по понятію 30-хъ годовъ—полагалось оставаться на языкѣ недоступномъ народу. Это одна вина; она искуплена была удаленіемъ профессора изъ академіи. Какъ законоучитель, онъ осмѣлился читать высокому ученику законъ Божій не по катихизису м. Филарета, а въ собственномъ живомъ и проникновенномъ изложеніи. Эта вина стоила ему отрѣшенія отъ законоучительства. Исторія коварно подсмѣялась надъ ригористами охранительнаго порядка. Сама церковная власть вынуждена была издать отъ своего имени переводъ Библии съ еврейскаго на русскій языкъ и заднимъ числомъ признать невиновность наказаннаго ею ученаго. Грѣхъ неправомыслія Павскаго на урокахъ у высокаго питомца основывался, оказалось, на повышенной чувствительности московскаго іерарха къ своему литературному имени, и самымъ блестящимъ образомъ проявилъ свою настоящую природу въ извѣстной всѣмъ высоко гуманной, благородной дѣятельности высокаго питомца прот. Павскаго—впослѣдствіи Царя-Освободителя. Вотъ признанная всѣми краса и гордость нашей академіи конца XIX в.—знаменитый профессоръ В. В. Болотовъ—задумываетъ въ рядѣ студенческихъ работъ освѣтить житія святыхъ, какъ историческій памятникъ. Послѣ начальной обработки перваго мѣсяца намѣченная работа вдругъ останавливается, и первоклассный ученый съ своими изысканіями вынуждается навсегда откочевать съ этой области на безобидныя и мало доступныя окраины своего предмета. Имена славныхъ духовныхъ изслѣдователей другихъ академій—акад. Е. Е. Голубинскаго, проф. Терновскаго и мн. др.—служатъ прекраснымъ доказательствомъ того, что прежде

чѣмъ выступить съ словомъ своего убѣжденія, духовной наукѣ нужно долго и внимательно прислушаться къ властному тону голоса руководителей текущаго момента.

Такимъ образомъ и наука въ нашей высшей духовной школѣ не представляетъ всѣхъ удобствъ для проявленія духовнаго творчества. Оно стѣснено здѣсь и сторонними вліяніями, стѣснено и собственной природой духовной школы, ея временными условіями. Природа академическаго творчества отвлеченна. Академическіе дѣятели въ глубинѣ сердца проникнуты убѣжденіемъ, что разработка знанія во имя самого знанія лучше всего двигаетъ впередъ высочайшія цѣли человѣческихъ стремленій. Въ научномъ творествѣ они склонны видѣть для себя высшую задачу и цѣль своего существованія, въ своемъ родѣ возложенное на нихъ Богомъ священнодѣйствіе. Отсюда въ самомъ лучшемъ случаѣ академическому творчеству недостаетъ темперамента: оно не согрѣто той жизненной теплотой, которая необходима для выработки жизненныхъ цѣнностей, для постояннаго поддержанія въ напряженіи волевого двигателя.

Правда, есть струя въ нынѣшней академической жизни, которая пытается исправить этотъ недочетъ академическаго вліянія. Путемъ приближенія къ сознанію принципа аскетизма это теченіе, дѣйствительно, постоянно поддержививаетъ въ академіи мысль о необходимости создать въ ней очагъ непрерывнаго горѣнія духа. Какъ символу благихъ намѣреній, мы воздаемъ должное уваженіе этому теченію. Но въ жизненномъ смыслѣ эта струя достаточно бесплодна: выработку творческой личности она стремится произвести не путемъ академическаго всесторонняго развитія воли, а лишь пониженнымъ способомъ пассивнаго воспитанія, пассивнаго преклоненія предъ авторитетомъ, съ совершенно сторонними академіи соображеніями. Это не разрѣшеніе академической научной и высоко-нравственной просвѣтительной задачи.

И Академія, какъ мы раньше говорили о паствуствѣ, не представляетъ той творческой среды, изъ которой должны выходить на дѣло христіанскаго просвѣщенія герои духа. Выработка такой среды—дѣло будущихъ поколѣній. И намъ крайне трудно, почти невозможно судить, какимъ путемъ произойдетъ созданіе такой благопріятной обстановки.

Если о настоящемъ дозвоительно судить по примѣрамъ прошлаго, то для сдвига въ сторону духовнаго творчества

нашего академическаго пастырства—какъ въ общей сложности весьма крупнаго и связаннаго сложными нитями съ задачами церковно-правительственными, каноническими, сословными, бытовыми—можно признать достаточнымъ только коренное церковное переустройство...

Высшая духовная школа въ вопросѣ о жизненномъ духовно-нравственномъ творчествѣ всегда будетъ занимать болѣе отдаленное отъ жизни, регулятивное положеніе. Ея творчество по существу должно будетъ остаться теоретическимъ, только болѣе напряженнымъ, углубленнымъ и приближеннымъ къ жизненнымъ цѣлямъ. Повышеніе академической творческой жизнедѣятельности, въ виду меньшей во всѣхъ отношеніяхъ сложности академической организаціи, чѣмъ пастырства, — въ особенности меньшей зависимости науки отъ жизни—возможно и безъ особенно потрясающихъ преобразованій. Академія должна получить, какъ неотъемлемую принадлежность своего существа, въ вопросахъ науки «право мнѣнія и право сомнѣнія»; должна получить невозбранную возможность своими силами использовать первоисточники своихъ изысканій; академическая наука должна быть изъята изъ водоворота измѣнчивыхъ страстей церковной политики... Для сведенія къ одному знаменателю методовъ и результатовъ научныхъ изысканій чувствуется потребность въ живомъ обмѣнѣ мыслей въ средѣ академическихъ дѣятелей. Среди всевозможныхъ сѣздовъ по самымъ разнообразнымъ вопросамъ, связаннымъ съ самыми основными устоями государства и церкви, голосъ духовной науки никогда не спрашивался и не былъ слышенъ. Среди многочисленныхъ кружковъ нашего времени вы напрасно стали бы искать какое-нибудь содружество дѣятелей духовной науки. Голосъ духовной науки искусственно поддерживается въ состояніи распыленія, сознательно принижается, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда онъ полезенъ для опоры господствующаго настроенія. Приходится жалѣть, что духовная наука не располагаетъ какимъ-нибудь центромъ внѣ стѣнъ духовной Академіи: конкуренція часто возбуждаетъ и поддерживаетъ производство, устраняетъ недостатки монополіи... Мы не перечисляемъ тѣхъ путей, какими могло бы быть усилено академическое творчество духовныхъ цѣнностей, но эти пути лежатъ въ предѣлахъ доступнаго намъ поля зрѣнія. Академія владѣетъ ключомъ къ своему сокровищу: она знаетъ методъ разработки своихъ теоретическихъ цѣнностей, и счастливыя

личныя усилія и дарованія академическихъ дѣятелей, — при просвѣщенной нравственной поддержкѣ академическихъ начинаній со стороны тѣхъ, кто по совѣсти и долгу несетъ на себѣ попеченіе о выясненіи истины во всѣхъ ея проявленіяхъ, могутъ дасть значительный толчокъ академической жизнедѣятельности.

Въ общемъ, духовное творчество въ обоихъ своихъ главныхъ источникахъ—и въ пастырствѣ и въ духовной наукѣ—нуждается въ значительномъ повышеніи энергіи. И прежде всего такой токъ энергіи—не заходя далеко въ область исключительныхъ условій—могъ бы подняться изъ той же самой среды, въ которой дѣйствуютъ эти источники. Духовное творчество по всей линіи своего проявленія связано съ жизнью и дѣятельностью Церкви. Источники высшаго напряженія въ природѣ всегда связаны незримиыми, но твердыми нитями съ скрытой, но широко развитой въ той же природѣ энергіей. И высшее напряженіе духа выковывается въ атмосферѣ здороваго церковнаго пульса. Мы всѣ—и представители духовной науки и представители пастырства—одинаково заинтересованы въ мѣрно-нормальномъ біеніи этого пульса, въ повышеніи скрытой энергіи.

Дорогіе сотоварищи старшихъ и младшихъ академическихъ поколѣній! Всѣмъ намъ дорого торжество духовныхъ идеаловъ, развитіе и преуспѣяніе духовнаго творчества во всѣхъ его видахъ. Будемъ оказывать доступное намъ содѣйствіе всякому проявленію, а тѣмъ болѣе зарожденію этого творчества! Доброе желаніе выищеть пути для такого содѣйствія. Пусть въ нашей товарищеской семьѣ зародится первое зерно дружескаго и сознательнаго общественнаго содѣйствія духовно-созидательной дѣятельности во всѣхъ ея проявленіяхъ. Пусть здѣсь, въ этой семьѣ, всякій зародышъ новой духовной цѣнности найдетъ себѣ чуткое братское сочувствіе и нравственную поддержку. Пусть символъ нашего единенія—наша память о дорогой намъ всѣмъ Академіи—озарится плодотворною мыслію о высшихъ идеалахъ, которымъ призвана служить Академія и превратится въ сознательное почитаніе и служеніе этимъ идеаламъ!

Проф. И. Евсѣевъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки